

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования

«Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Кафедра уголовного права и криминологии

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

на тему **«МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА (СТ.159.3 УК РФ): УГОЛОВНО-
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПУБЛИКОВАННОЙ
СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)»**

Выполнил
Валеев Артур Русланович,
обучающийся по специальности
40.05.02 Правоохранительная деятельность
2021 года набора, 122 учебного взвода

Руководитель
Старший преподаватель,
подполковник полиции
Мигранов Рустэм Нуруллинович

К защите рекомендуется
рекомендуется/не рекомендуется

Начальник кафедры _____ И.Р. Диваева
подпись

Дата защиты «___» «_____» 2026г. Оценка _____

План

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА	8
1.1. Понятие и общественная опасность мошенничества с использованием электронных средств платежа	8
1.2. Уголовная ответственность за мошенничество, совершаемое с использованием электронных средств платежа, по законодательству зарубежных стран	18
ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА	31
2.1. Объект и предмет мошенничества с использованием электронных средств платежа	31
2.2. Объективная сторона мошенничества с использованием электронных средств платежа	37
2.3. Субъективные признаки мошенничества с использованием электронных средств платежа	40
2.4. Проблемы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	58

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность избранной темы предопределяется глубинной трансформацией социально-экономических процессов, обусловленной внедрением и повсеместным использованием цифровых и информационно-телекоммуникационных технологий. Современные способы обработки компьютерной информации радикально расширили пространство экономического оборота, позволив осуществлять значительный массив финансовых операций в дистанционном формате, без пространственной и временной привязки участников. Электронные средства платежа в этих условиях приобрели статус одного из ключевых инструментов хозяйственной деятельности, обеспечивающих высокую скорость расчетов, удобство перевода безналичных и электронных денежных средств, а также оперативную оплату товаров и услуг. Вместе с тем технологическое упрощение финансовых процедур объективно сопровождается ростом уязвимости соответствующих механизмов, что создает благоприятную среду для совершения мошеннических посягательств, адаптирующихся к новым цифровым реалиям.

Статистические данные, характеризующие состояние преступности в Российской Федерации, наглядно подтверждают обозначенную тенденцию. Незначительный общий рост зарегистрированных преступлений сопровождается резким увеличением числа уголовно наказуемых деяний, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, мобильной связи и сети Интернет. Особое место в данной структуре занимает мошенничество, реализуемое посредством электронных средств платежа, доля которого в общем массиве преступлений демонстрирует устойчивую динамику роста. Сопоставление количества зарегистрированных преступлений с числом фактически выявленных и пресеченных случаев позволяет говорить о высокой латентности рассматриваемой категории деяний

и о наличии системных затруднений в их уголовно-правовой оценке. Подобная ситуация, как справедливо отмечается в научных позициях А. В. Наумова, свидетельствует о разрыве между формальным нормативным регулированием и реальными механизмами правоприменения, что требует углубленного доктринального анализа.

Дополнительным фактором, усиливающим актуальность исследования, выступает резкий рост объема операций с использованием платежных карт и иных электронных средств платежа, а также качественное изменение характера причиняемого ущерба. Если в предшествующий период основное внимание уделялось количественным показателям несанкционированных операций, то в последние годы наблюдается опережающий рост их стоимостного выражения, что указывает на усложнение мошеннических схем и повышение профессионализации преступной деятельности. В научной литературе, в частности в работах А. В. Бриллиантова, подчеркивается, что подобная эволюция преступных посягательств требует пересмотра традиционных подходов к оценке общественной опасности деяния и адекватности применяемых уголовно-правовых средств реагирования.

Особую проблематику образует соотношение статистики выявленных преступлений и практики привлечения к уголовной ответственности по статье 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на значительное количество зарегистрированных мошенничеств с использованием электронных средств платежа, число осужденных лиц остается несоразмерно низким, что указывает на сложности доказывания, квалификации и разграничения исследуемого состава с иными преступлениями против собственности. Указанные обстоятельства обусловлены как спецификой предмета преступного посягательства, так и особенностями объективной стороны деяния, реализуемого в цифровой среде. В этом контексте представляется обоснованным обращение к подходам А. Г. Кибальника, акцентирующего внимание на необходимости системного анализа всех элементов состава преступления с учетом технологической природы используемых средств.

Общий уровень научной проработанности темы можно признать достаточно высоким, однако не окончательным, например, российской уголовно-правовой науке сформирован внушительный корпус работ, посвященных мошенничеству как разновидности хищения и преступлениям против собственности, а также отдельным аспектам квалификации мошеннических посягательств в области электронных платежей, однако стремительная эволюция цифровых технологий, распространение цифровых валют и цифровых финансовых активов, а также смена механизмов установления личности участников финансовых операций порождают качественно новые правовые реалии, еще не получившие достаточного осмысления в имеющихся теоретических построениях. Как указывает В. В. Сверчков, отставание доктринальных моделей от реального развития общественных отношений неизбежно ослабляет действенность уголовно-правового регулирования.

Дополнительные трудности связаны с необходимостью оценки комплекса мошеннических действий, охваченных общим умыслом и едиными средствами воплощения преступного замысла, но не всегда совпадающих по своему объективному проявлению. В условиях цифровизации экономики все большую значимость приобретает определение правовой сущности безналичных денежных средств, электронных денег, цифровой валюты и цифровых финансовых активов как возможных предмета и инструмента преступления. Изучение названных категорий сквозь призму последних законодательных новаций требует не только формально-догматического, но и системного подхода, что последовательно отстаивает в своих исследованиях А. В. Серебренникова.

Цель настоящего исследования продиктована потребностью во всестороннем анализе оснований и границ уголовной ответственности за мошенничество с применением электронных средств платежа в контексте цифровой трансформации экономических отношений. В рамках работы предполагается выявление социально-правовой сущности общественной

опасности данного деяния, анализ объекта и предмета преступного посягательства с учетом специфики электронных и цифровых форм стоимости, а также исследование объективных и субъективных признаков состава преступления. Наряду с этим значительное внимание уделяется сопоставлению отечественного регулирования с зарубежными правовыми моделями, обобщению судебной и следственной практики, выявлению типичных ошибок квалификации и проблем назначения наказания. Итогом исследования должна стать разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовного законодательства и формированию более единообразной правоприменительной практики, что, по справедливому замечанию М. Г. Решняка, является необходимым условием повышения эффективности противодействия современным формам мошенничества.

Цель дипломной работы заключается в комплексном уголовно-правовом анализе мошенничества с использованием электронных средств платежа как самостоятельного вида преступлений против собственности, совершаемых в условиях цифровизации экономических отношений и активного развития информационно-телекоммуникационных технологий. Достижение поставленной цели предполагает выявление сущностных характеристик общественной опасности данного деяния, установление особенностей его уголовно-правовой конструкции, а также определение направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере противодействия указанным преступлениям.

Для достижения указанной цели в рамках дипломной работы предполагается решение следующих задач:

- раскрыть социально-правовое содержание общественной опасности мошенничества с использованием электронных средств платежа и определить критерии ее уголовно-правовой оценки в условиях цифровизации имущественного оборота;

- проанализировать существующие подходы к установлению уголовной ответственности за мошенничество с использованием электронных средств

платежа в уголовном законодательстве отдельных зарубежных государств с целью выявления общих тенденций и возможных направлений заимствования;

- определить особенности объекта и предмета мошенничества с использованием электронных средств платежа с учетом правовой природы безналичных и электронных денежных средств, а также цифровых валют и цифровых финансовых активов;

- исследовать криминообразующие признаки объективной стороны и субъективные признаки мошенничества с использованием электронных средств платежа, включая специфику способа совершения деяния и содержание преступного умысла;

- выявить и проанализировать основные проблемы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа, а также вопросы его отграничения от смежных составов преступлений, с учетом материалов судебной и следственной практики;

- изучить проблемные аспекты назначения наказания за мошенничество с использованием электронных средств платежа и определить факторы, влияющие на неоднородность судебной практики.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

1.1. Понятие и общественная опасность мошенничества с использованием электронных средств платежа

Мошенничество на протяжении длительного исторического периода остается устойчивым негативным социальным феноменом, эволюционирующим вместе с изменением форм экономического взаимодействия и способов распоряжения имуществом. В современном уголовно-правовом смысле данное деяние традиционно раскрывается через конструкцию хищения чужого имущества либо приобретения права на него посредством обмана или злоупотребления доверием, что отражает его сущностную направленность на подрыв имущественных отношений и доверительных связей в обществе. Указанная дефиниция, закреплённая в отечественном уголовном законодательстве, сформировалась как результат длительного доктринального и правоприменительного развития и в целом отражает классическое понимание мошенничества как особой формы посягательства на собственность¹.

Процессы цифровизации и технологического обновления социально-экономической среды радикально изменили условия функционирования имущественного оборота, что неизбежно повлекло трансформацию способов совершения мошеннических посягательств. Активное внедрение информационных технологий в повседневную жизнь привело не только к расширению возможностей легального дистанционного взаимодействия, но и к

¹ Уголовное право. Общая часть. Семестр II : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 156.— URL : <https://urait.ru/bcode/584175>

формированию новых криминогенных рисков. В этих условиях уголовное право выступает одним из ключевых инструментов институционального реагирования на общественно опасные формы обмана, поскольку именно через механизм криминализации обеспечивается нормативное закрепление пределов допустимого поведения и формируется система превенции. В научной доктрине при этом особое внимание уделяется социальной обусловленности уголовно-правового запрета, выражающейся в необходимости соотнесения криминализации с реальным уровнем общественной опасности деяния и его распространенностью.

С точки зрения уголовно-правовой теории, анализ предпосылок установления ответственности за мошенничество в цифровой сфере неизбежно связан с оценкой критериев криминализации, среди которых центральное место занимает общественная опасность. В работах Наумов А. В. подчеркивается, что уголовно-правовой запрет не может рассматриваться как самоцель и должен вводиться лишь в тех случаях, когда иные правовые средства оказываются недостаточными для защиты охраняемых общественных отношений. Применительно к мошенничеству с использованием электронных средств платежа данный тезис приобретает особую значимость, поскольку формирование соответствующего состава преступления происходило в условиях уже существующей общей нормы о мошенничестве.¹

До внесения специальных изменений в уголовное законодательство квалификация мошеннических деяний, совершаемых с использованием электронных средств платежа, осуществлялась в рамках общей нормы, закрепленной в статье 159 УК РФ. Такой подход сохранялся на протяжении значительного периода и формально позволял охватывать разнообразные способы обмана, включая те, которые реализовывались с применением платежных карт и иных электронных инструментов. Однако по мере

¹Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 448 с. — (Высшее образование). — URL : <https://urait.ru/bcode/585136>

расширения практики безналичных расчетов и усложнения мошеннических схем выявились существенные пробелы в правоприменении, обусловленные спецификой способа посягательства и особенностями взаимодействия участников финансовых операций.

Включение в уголовное законодательство специальной нормы, устанавливающей ответственность за мошенничество с применением платежных карт, явилось реакцией законодателя на возникшие сложности квалификации и попытки преступников уходить от ответственности, прикрываясь гражданско-правовыми конструкциями. Выделение особых составов мошенничества мотивировалось необходимостью дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от сферы и механизма посягательства. При этом в пояснениях к нововведениям утверждалось, что в определенных ситуациях обман направлен не на самого собственника имущества, а на третье лицо, обслуживающее расчетную операцию, что будто бы выводит такие действия за пределы традиционной модели мошенничества.

Данный тезис, однако, был воспринят научным сообществом неоднозначно. А. Г. Кибальник подчеркивает, что стремление обосновать введение специального состава ссылкой на «нетрадиционность» адресата обмана методологически небезупречно: уголовно-правовая природа мошенничества определяется не формальным статусом заблуждающегося лица, а ориентацией умысла на завладение чужим имуществом. Соответственно, участие посредника в виде уполномоченного сотрудника организации не меняет сущности деяния, а лишь отражает специфику способа его совершения.

Несмотря на продекларированную цель повышения правовой определенности и улучшения практики правоприменения, последующая эволюция законодательства выявила, что появление специальных составов мошенничества создало новые проблемы. В доктрине не раз обращалось внимание на обострение конкуренции уголовно-правовых норм, усложнение разграничения смежных составов и увеличение числа квалификационных ошибок. Более того, уже в скором времени потребовались повторные

законодательные коррективы, что говорит о недостаточной глубине первоначальной проработки и отсутствии целостной концепции дифференциации ответственности.

Важным этапом в развитии анализируемой нормы послужили изменения 2018 года, когда законодатель отказался от жесткой привязки к платежным картам и распространил уголовную ответственность на мошенничество, совершаемое с использованием электронных средств платежа в целом. Подобное расширение диспозиции было вызвано объективными сдвигами в сфере финансовых технологий и ростом удельного веса дистанционных операций, проводимых без использования традиционных платежных инструментов. Вместе с тем сама конструкция нормы сохранила ряд концептуальных противоречий, касающихся неопределенности круга охватываемых деяний и соотношения специального и общего составов мошенничества.

В научных работах И. А. Подройкина обращается внимание на то, что расширение предметной сферы уголовно-правового запрета без одновременного уточнения его системного места в Особенной части УК РФ приводит к снижению предсказуемости правоприменения. Особенно остро данная проблема проявляется в условиях стремительного развития цифровых форм стоимости, включая электронные деньги, цифровые финансовые активы и иные нематериальные объекты, правовая природа которых до конца не устоялась ни в гражданском, ни в уголовном праве.¹

Анализ действующей редакции статьи 159.3 УК РФ неизбежно выводит на более широкий теоретический вопрос о соответствии уголовно-правовой нормы уровню общественной опасности охватываемых ею деяний. В этой связи особое значение приобретает категория общественной опасности как фундаментальный критерий криминализации. Несмотря на признание ее

¹ Уголовное право. Общая часть. Семестр II : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 187. — URL : <https://urait.ru/bcode/584175>

ключевой роли, в науке отсутствует единый подход к определению структуры данного понятия. Одни исследователи связывают общественную опасность преимущественно с субъективными характеристиками деяния, другие — с объективным вредом и угрозой охраняемым общественным отношениям.

Представляется, что применительно к мошенничеству с использованием электронных средств платежа общественная опасность носит комплексный характер и не может быть сведена исключительно к субъективной стороне преступления либо к последствиям в виде имущественного ущерба. Специфика цифровой среды усиливает латентность деяния, расширяет круг потенциальных потерпевших и затрудняет восстановление нарушенных прав, что в совокупности повышает его социальную значимость. Именно поэтому оценка обоснованности криминализации и последующей дифференциации ответственности должна опираться на системный анализ всех элементов состава преступления и их взаимосвязи с реальными социально-экономическими процессами.

Таким образом, развитие уголовно-правового регулирования ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа демонстрирует сложный и во многом противоречивый путь, отражающий попытки законодателя адаптировать традиционные правовые конструкции к условиям цифровой экономики. Наличие устойчивых проблем квалификации, конкуренции норм и неоднородности судебной практики свидетельствует о необходимости дальнейшего научного осмысления данной категории преступлений, что обуславливает актуальность их комплексного исследования в рамках уголовно-правовой доктрины.

В уголовно-правовой доктрине общественная опасность понимается не как второстепенная оценочная категория, а как основополагающий критерий, обосновывающий необходимость введения уголовного запрета и задающий интенсивность государственного принуждения в ответ на противоправное поведение. Содержательно она выражается в причинении вреда либо в создании реальной угрозы его наступления для охраняемых уголовным законом

общественных отношений и интересов. В этом аспекте общественная опасность отличается от формальной противоправности: последняя лишь констатирует факт нарушения установленного запрета, тогда как общественная опасность раскрывает социальный масштаб и правовую значимость нарушения, а также его способность дестабилизировать сложившиеся формы социального взаимодействия, при этом общественная опасность не является некой абстрактной «характеристикой», оторванной от конкретики деяния. Она поддается рациональной реконструкции через соотнесение ценности защищаемого объекта и характера причиняемого ему ущерба — включая не только реальный вред, но и риск его наступления. Такой подход позволяет перейти от общих утверждений к содержательному анализу: объект посягательства задает качественную сторону общественной опасности (характер), а вся совокупность обстоятельств совершения деяния — ее количественную меру (степень), поэтому исследование мошенничества, совершаемого с применением электронных средств платежа, требует одновременного учета как того, на какие общественные отношения направлено посягательство, так и того, каким способом, в каких условиях и с какими последствиями оно осуществляется.

Различие между характером и степенью общественной опасности в уголовно-правовой плоскости имеет не только терминологический смысл. Характер опасности определяется прежде всего объектом преступления и теми социальными благами, которые ставятся под угрозу, тогда как степень опасности складывается из динамичного набора факторов: формы вины, способа посягательства, тяжести и объема последствий, стадии реализации умысла, наличия соучастия, особенностей субъекта, а также иных обстоятельств, усиливающих или ослабляющих риск причинения вреда. В этой связи методологическую ценность представляет позиция А. В. Наумова, которая ориентирует исследователя на проверку «работоспособности» уголовно-правового запрета через установление его связи с реальными социальными процессами, а не через формальное сравнение нормативных текстов: уголовная

ответственность должна быть соразмерна тому уровню опасности, который присущ посягательству в конкретной социально-экономической ситуации.

Применительно к мошенничеству с использованием электронных средств платежа ключевым становится вопрос об объекте посягательства. В системе Особенной части УК РФ данное деяние отнесено к группе преступлений, затрагивающих экономическую сферу, а его непосредственная направленность связана с отношениями собственности вне зависимости от ее формы, а подобное законодательное решение — не просто технический прием; оно демонстрирует понимание собственности как фундамента стабильного имущественного оборота и важнейшего элемента правопорядка. Ущерб от таких преступлений выражается не только в утрате материальных благ, но и в дестабилизации общественных отношений, обслуживающих имущественный оборот, поскольку противоправное вмешательство затрудняет или полностью парализует реализацию собственнических прав.

С сущностной точки зрения общественная опасность названного мошенничества состоит в нарушении правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, что подрывает гарантированную законом возможность лица свободно осуществлять собственническое усмотрение. Конституционно закреплённая приоритетная защита права собственности повышает ценность данного объекта и тем самым усиливает качественную составляющую общественной опасности, при этом особую значимость приобретает то обстоятельство, что в современных условиях имущественные отношения зачастую опосредуются финансовой инфраструктурой, в силу чего посягательство на собственность с использованием электронных средств платежа сопряжено с угрозами подрыва доверия к институтам, обеспечивающим безналичный оборот, — кредитным организациям, платежным сервисам и технологическим каналам дистанционного обслуживания.

Субъективная сторона рассматриваемого деяния закономерно усиливает оценку степени общественной опасности. Обман и злоупотребление доверием

по своей природе предполагают преднамеренность, вследствие чего мошенничество с использованием электронных средств платежа совершается при умышленной форме вины и почти неизбежно связано с корыстной целью. Волевой компонент умысла выражается в целенаправленном стремлении завладеть чужим имуществом или правом на него, а интеллектуальный — в осознании общественно опасного характера поведения и предвидении имущественных последствий. Применительно к цифровой среде данный интеллектуальный компонент приобретает дополнительную окраску: субъект, использующий технологические каналы и психологические приемы воздействия, как правило, заранее учитывает вероятности обнаружения, особенности восприятия потерпевшего, уязвимость процедур подтверждения операций и возможности маскирования цифровых следов.

Способ совершения преступления занимает в оценке общественной опасности самостоятельное место, поскольку именно он определяет, насколько легко деяние воспроизводимо, насколько широк круг потенциальных потерпевших и насколько затруднено выявление виновного. Мошенничество, опосредованное электронными средствами платежа, принципиально отличается от традиционных форм посягательств тем, что допускает дистанционную реализацию преступного намерения и сочетает технический компонент с приемами социальной инженерии. Технологическая природа электронных средств платежа предполагает использование программных решений и устройств, через которые формируются и передаются распоряжения о переводе денежных средств; такая среда снижает необходимость физического присутствия виновного и расширяет возможности анонимизации. С учетом этой специфики позиция Кибальник А. Г. представляется применимой в той части, где подчеркивается необходимость оценивать способ не как «внешнюю оболочку» деяния, а как фактор, меняющий структуру риска: чем более технологически опосредовано посягательство, тем выше вероятность масштабирования преступной модели и тем существеннее общественная

опасность, даже при формально сходном результате в виде имущественного ущерба.

Существенная общественная опасность проявляется и в многоуровневости причиняемого вреда. На первичном уровне фиксируется прямой имущественный ущерб потерпевшему, выражающийся в утрате денежных средств или в ограничении возможности их использования. На следующем уровне возникает подрыв доверия к законным формам финансового поведения: повторяемость мошеннических схем формирует у граждан ощущение незащищенности и побуждает к отказу от хранения средств на счетах либо к сокращению использования безналичных инструментов. Дальнейшее распространение подобных установок способно влиять на экономическую активность, снижать интенсивность товарно-денежного оборота и затруднять реализацию публичных программ, связанных с развитием цифровых платежей. Наконец, систематическое нарушение правила правомерного поведения, демонстрируемое устойчивой преступностью в рассматриваемой сфере, усиливает элементы правового нигилизма и провоцирует общественный запрос на ужесточение государственного контроля, что в более широком смысле затрагивает легитимность и эффективность правопорядка.

Количественная сторона общественной опасности подтверждается характером последствий и динамикой причиняемого ущерба. Рост числа операций, совершаемых без согласия клиентов, и особенно опережающее увеличение их объема свидетельствуют не только о массовости посягательств, но и о повышении «средней стоимости» преступного результата, что обычно коррелирует с усложнением преступных алгоритмов и с совершенствованием способов обхода защитных механизмов. Законодательная дифференциация ответственности через квалифицирующие признаки — совершение деяния группой лиц по предварительному сговору, использование служебного положения, деятельность организованной группы, а также крупный и особо крупный размер — отражает понимание того, что степень общественной

опасности возрастает при организованности, распределении ролей, доступе к информационным ресурсам и возможности повторного применения отработанных схем.

Распространенность и латентность данного вида посягательств также выступают факторами, усиливающими общественную опасность. В условиях цифрового оборота одна и та же модель обмана может применяться многократно и практически без пространственных ограничений, что создает эффект тиражирования вреда и резко увеличивает криминогенный потенциал даже относительно простых схем. Отказ потерпевших от обращения в правоохранительные органы по мотивам неверия в раскрываемость, нежелания включаться в процессуальные процедуры либо восприятия ущерба как «неизбежной платы» за цифровой комфорт формирует скрытый массив преступности, искажает статистическую картину и облегчает дальнейшее существование преступных практик. В этой связи подход Сверчкова В.В. уместен тем, что он позволяет рассматривать латентность не как внешнюю характеристику учета, а как элемент социальной реальности преступления: скрытость повышает воспроизводимость посягательств и снижает превентивный эффект уголовно-правового запрета, что в конечном итоге усиливает общественную опасность рассматриваемых деяний.¹

Суммарно общественная опасность мошенничества с использованием электронных средств платежа определяется высокой ценностью объекта посягательства, технологически и психологически сложным способом совершения, способностью виновного действовать анонимно и дистанционно, возможностью быстрого причинения значительного ущерба широкому кругу лиц и устойчивой латентностью, препятствующей своевременному пресечению. Одновременно оценка общественной опасности логически подводит к следующему проблемному узлу — вопросу о качестве законодательной

¹ Сверчков, В. В. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / В. В. Сверчков. — 12-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 251. — URL : <https://urait.ru/bcode/557820>

конструкции и о том, обеспечивает ли действующая модель специального состава оптимальную определенность, согласованность санкций и предсказуемость квалификации, либо более рациональным является иное решение, связанное с корректировкой общей нормы о мошенничестве и введением в ее структуру квалифицирующего признака, отражающего использование электронных средств платежа и информационно-телекоммуникационных технологий.

1.2. Уголовная ответственность за мошенничество, совершаемое с использованием электронных средств платежа, по законодательству зарубежных стран

Становление современной российской государственности и правовой системы происходило в условиях резкого перехода от централизованной модели хозяйствования к рыночной экономике, что объективно обусловило специфику формирования правоприменительной практики в сфере защиты имущественных отношений. В отличие от государств, на протяжении десятилетий, развивавшихся в условиях свободного рынка, отечественная правовая система сравнительно недавно столкнулась с необходимостью реагирования на преступления, возникающие вследствие интенсивного развития товарно-денежных отношений, финансовых инструментов и цифровых технологий. Указанное обстоятельство привело к тому, что при выработке уголовно-правовых решений в сфере противодействия мошенничеству, в том числе совершаемому с использованием электронных средств платежа, российский правоприменитель оказался в ситуации ограниченного исторического опыта и вынужден был действовать в условиях правовой и экономической трансформации.

Дополнительным фактором, усиливающим сложность правового регулирования, является стремительная эволюция технологий безналичных и

электронных расчетов. Электронные средства платежа не только относительно недавно вошли в повседневный оборот, но и находятся в состоянии постоянного обновления, что объективно затрудняет формирование устойчивых уголовно-правовых конструкций. В условиях глобализации каждая страна вынуждена, с одной стороны, учитывать накопленный зарубежный опыт государств, принадлежащих к одной правовой семье, а с другой — разрабатывать собственные модели регулирования, соотнося их с национальными экономическими и социальными особенностями. По этой причине сравнительно-правовой анализ зарубежных подходов к установлению уголовной ответственности за мошенничество с использованием электронных средств платежа приобретает особое значение для оценки обоснованности и эффективности выбранных в России законодательных решений.

В указанном контексте представляется логичным обращение к опыту государств англосаксонской правовой семьи, длительное время функционирующих в условиях рыночной экономики и накопивших значительный массив правоприменительной практики в сфере защиты имущественных интересов. В частности, показателен подход, сложившийся в Великобритании, где уголовно-правовое регулирование традиционно отличается отсутствием единого кодифицированного уголовного закона и опорой на совокупность специальных законодательных актов. Исторически ответственность за посягательства на собственность в королевстве закреплялась в отдельных нормативных актах, ключевое значение среди которых имели Закон о краже 1968 года и Закон об уголовно наказуемом причинении вреда 1971 года, сформировавшие основу для противодействия имущественным преступлениям.¹

Характерной особенностью британского подхода является то, что мошенничество длительное время не рассматривалось как самостоятельный

¹ Уголовное право зарубежных стран. Общая часть : учебник для вузов / ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 261.— URL : <https://urait.ru/bcode/561346>

универсальный состав преступления, а включалось в более широкую категорию имущественных посягательств, совершаемых путем обмана. Даже введение в 1990-е годы ответственности за получение денежного перевода путем обмана, в том числе посредством электронных средств платежа, не привело к формированию специализированного состава, ориентированного исключительно на цифровые финансовые инструменты. Существенные изменения произошли с принятием Закона о мошенничестве 2006 года, который отказался от казуистического перечисления отдельных форм обманных действий и закрепил три базовые модели мошенничества, применимые независимо от используемого способа и сферы реализации преступного умысла.

В результате в британском уголовном праве отсутствует специальная норма, прямо посвященная мошенничеству с использованием электронных средств платежа. Уголовная ответственность наступает в зависимости от того, каким образом выражен обман и какие обязанности нарушены виновным лицом. Такой подход демонстрирует ориентацию на универсальность уголовно-правовой конструкции и перенос акцента с технических характеристик платежного средства на сущность обманного поведения. При этом значительная часть мер противодействия мошенничеству в Великобритании реализуется за пределами уголовного права, в рамках финансового и регуляторного законодательства, что позволяет перераспределить риски и возложить бремя компенсации ущерба в ряде случаев на финансово-кредитные организации.

Иной по структуре, но сопоставимый по направленности подход сложился в Соединенные Штаты Америки, правовая система которых характеризуется выраженным федерализмом и отсутствием единого уголовного закона, действующего на всей территории государства. В США уголовная ответственность определяется как федеральным законодательством, так и законами отдельных штатов, что обуславливает многоуровневость и вариативность регулирования. При этом значительную роль в формировании единых подходов сыграл Типовой уголовный кодекс, подготовленный

Американским юридическим институтом и в той или иной мере воспринятый большинством штатов.

В рамках Типового уголовного кодекса мошеннические действия рассматриваются как разновидность хищений и обманных посягательств, объединенных общим признаком незаконного завладения имуществом либо услугами посредством введения в заблуждение. Под имуществом при этом понимается любое благо, обладающее экономической ценностью, что позволяет охватывать как материальные, так и нематериальные объекты, включая электронные формы стоимости. Важным является то, что американский законодатель детально раскрывает формы обмана, придавая значение не только активному введению в заблуждение, но и умолчанию, а также нарушению обязанностей информирования при наличии доверительных или конфиденциальных отношений.

Наряду с общей конструкцией мошенничества в Типовом уголовном кодексе предусмотрена специальная ответственность за незаконное использование кредитных карт, что обусловлено особенностями финансовых механизмов, не всегда позволяющих квалифицировать такие деяния как классическое хищение. Вместе с тем и здесь акцент делается не на технической природе платежного средства, а на отсутствии у лица законного права на его использование и на наличии корыстной направленности поведения. Существенное значение придается размеру причиненного ущерба, от которого зависит квалификация деяния и пределы уголовной ответственности.¹

В Соединенных Штатах уголовно-правовое противодействие мошенничеству, совершаемому с применением электронных и иных средств доступа, на федеральном уровне строится на нормах Кодекса США, устанавливающих ответственность за незаконные операции с устройствами доступа. В круг таких устройств включены не только платежные карты, но и

¹ Уголовное право. Особенная часть. Семестр I : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 52. — URL : <https://urait.ru/bcode/584174>

прочие идентификаторы, позволяющие получить доступ к счетам и финансовым ресурсам, а универсальный характер этих предписаний дает возможность охватывать разнообразные преступные действия — от изготовления и хранения до распространения инструментов и оборудования, предназначенных для обмана. Непременным элементом состава выступает ущерб коммерческой деятельности, чем подчеркивается экономическая направленность защищаемых интересов. На уровне отдельных штатов заметно стремление к дальнейшей детализации: криминализируется оборот сведений и технических приспособлений, облегчающих мошенничество, а меры ответственности дифференцируются в зависимости от размера вреда или иных факторов. Хотя в американской системе и отсутствует единая норма, посвященная исключительно мошенничеству с использованием электронных средств платежа, в целом она обеспечивает многоуровневое и достаточно гибкое реагирование на подобные посягательства.

Сопоставление зарубежных подходов позволяет утверждать, что государства с развитой рыночной экономикой и значительным опытом функционирования финансовых технологий тяготеют к использованию универсальных уголовно-правовых конструкций мошенничества, которые дополняются специальными нормами и регуляторными механизмами за рамками уголовного закона, при этом акцент смещается с формального описания конкретных технических средств на существо обманного поведения, характер причиненного вреда и меру вовлеченности виновного в неправомерное использование финансовой инфраструктуры. Данный опыт представляет немаловажный интерес для оценки обоснованности существующих в российском уголовном законодательстве специальных составов и для построения более согласованной и устойчивой модели борьбы с мошенничеством в условиях цифровизации хозяйственных отношений.

Канадское уголовное законодательство реализует прагматичную модель регулирования ответственности за мошеннические посягательства в сфере платежных инструментов. Уголовно-правовые запреты здесь не

сконцентрированы в одной статье, специально «привязанной» к электронным средствам платежа, а распределены между несколькими нормами. В основе такого решения лежит представление о том, что общественная опасность проявляется не в специфике технического носителя платежной функции, а в самом факте незаконного извлечения имущественной выгоды и в использовании обмана в платежном обороте. Таким образом, уголовно-правовой запрет распространяется как на классические злоупотребления в расчетной сфере, так и на деяния, по своему содержанию сопоставимые с незаконными операциями в электронных платежных каналах, — в обоих случаях центральным звеном выступает введение контрагента или оператора в заблуждение и последующее неправомерное получение имущества либо услуг. Н.Е. Крылов считает: при сравнительно-правовом анализе необходимо четко отделять юридическую сущность посягательства от его технической формы, иначе уголовно-правовая оценка рискует быть подмененной перечислением постоянно обновляющихся устройств и технологий.

Близкую, но институционально более децентрализованную схему демонстрирует Австралия - головное регулирование здесь во многом обусловлено федеративным устройством и широкой автономией штатов и территорий. Федеральное уголовное законодательство закрепляет базовые запреты, направленные на наиболее типичные цифровые посягательства, в том числе несанкционированный доступ к платежным средствам иного лица. Отличительная черта австралийского подхода состоит в повышенном внимании к незаконному доступу и технической стороне вмешательства, которая расценивается как самостоятельный криминально значимый акт, способный предварять извлечение выгоды и уже в силу этого создающий угрозу имущественным интересам, несмотря на существование норм о мошенничестве, подделке и иных имущественных посягательствах, специальный состав мошенничества именно с использованием электронных средств платежа как обособленная категория не формируется. В этом выражается общая для ряда государств тенденция: уголовное право

предпочитает опираться на универсальные составы, а цифровую специфику учитывает через отдельные элементы объективной стороны, через специальные составы вмешательства в информационные системы либо через нормы о подделке и незаконном обороте платежных инструментов. Подобное решение не случайно — оно продиктовано стремлением избежать излишней казуистичности закона, которая неизбежно устаревает вместе с обновлением финансовых технологий.

Сравнение регулирования в Великобритании, Канаде, Австралии и США показывает, что даже в границах англосаксонской правовой семьи не сложилось единообразной модели уголовно-правового реагирования на мошенничество в платежной сфере. В одних случаях акцент ставится на универсальной конструкции мошенничества и распределении рисков посредством финансового регулирования, в других — на множественности запретов, покрывающих различные аспекты платежного оборота, однако для большинства рассмотренных правовых порядков характерно нежелание создавать отдельный, самостоятельный состав мошенничества с применением электронных средств платежа. Такая позиция объясняется не недооценкой опасности подобных деяний, а стремлением обеспечить устойчивость уголовного закона и его применимость к новым техническим форматам без постоянных точечных поправок. В контексте этой аргументации уместно сослаться на подход А.В. Бриллиантова, подчеркивающего, что действенность уголовно-правового запрета зависит не от количества специальных статей, а от качества описания социально значимого механизма причинения вреда, который и должен оставаться в фокусе правовой оценки.

Обращение к романо-германской правовой семье обнаруживает иную законодательную технику, однако и здесь итоговые решения неодинаковы. В странах германской, романской и скандинавской групп место мошенничества в системе имущественных посягательств различается: в одних кодексах оно тесно увязано с преступлениями против собственности, в других — обособлено в самостоятельные разделы, что влияет на определение объекта охраны и

пределы квалификации. При этом тенденция к цифровой универсализации состава мошенничества, то есть к охвату электронных платежных инструментов через общую норму либо через специальные составы компьютерного вмешательства, сохраняется и здесь, хотя отдельные государства в большей степени готовы закреплять квалифицирующие признаки или автономные составы, касающиеся платежных средств.

Показательна в этом отношении модель Германии. Общий состав мошенничества описывается как причинение имущественного ущерба путем введения в заблуждение. Параллельно с ним развиваются специальные нормы, касающиеся неправомерного использования платежных карт и квалифицируемые скорее как злоупотребление доверительными полномочиями эмитента. Данное решение не просто «переквалифицирует» мошенничество в другой состав, а отражает иной юридический ракурс: вред увязывается с нарушением доверительных механизмов, заложенных в платежную инфраструктуру, и с ущербом, причиняемым эмитенту как субъекту, принимающему на себя финансовый риск по операции. Вытекающий отсюда вывод о том, что потерпевшим мыслится прежде всего эмитент, согласуется с логикой распределения обязательств в платежной системе и показывает отличия от российской практики, где потерпевший чаще отождествляется с держателем денежных средств. Методологическую опору здесь можно найти в позиции И.Я. Козаченко, который обращает внимание на необходимость учета реальной конструкции экономического оборота при определении потерпевшего и точки возникновения имущественного ущерба: в современных финансовых отношениях «точка вреда» и «точка владения» совпадают далеко не всегда.

Иное законодательное решение представляет Австрия. Здесь использование поддельного, похищенного или иным путем незаконного платежного инструмента включено в систему квалифицирующих признаков мошенничества и, таким образом, расценивается как обстоятельство, повышающее степень общественной опасности. Такой подход позволяет сохранить единый базовый состав и одновременно высветить специфику

платежных посягательств путем усиления санкции и указания на особые орудия совершения преступления. Примечательно, что одновременно в Австрии существует отдельная криминализация действий, связанных с автоматизированной обработкой данных, что порождает потенциальную конкуренцию норм при посягательствах в сфере онлайн-банкинга и других цифровых сервисов. В этом проявляется типичная проблема цифрового уголовного права: при одновременном присутствии «обманного» и «технического» компонентов одно и то же деяние может подпадать под признаки разных статей, что требует от правоприменителя выработки устойчивых разграничительных критериев. Подобные трудности по существу перекликаются с вопросами, возникающими в российской практике при разграничении мошенничества, кражи и неправомерного доступа к компьютерной информации.

Законодательство Бразилия иллюстрирует еще одну вариацию: электронные платежные инструменты рассматриваются как платежный документ, а ответственность за злоупотребления ими закрепляется через квалифицированные формы мошенничества при оплате платежным документом. Это решение важно тем, что оно демонстрирует концептуальную «сшивку» традиционных финансовых инструментов и электронных средств в едином правовом поле: уголовный закон ориентируется не на технологию, а на платежную функцию и на незаконное использование документа, обеспечивающего расчеты. В рамках такого подхода электронные средства платежа «встраиваются» в уже существующую систему запретов без необходимости формировать отдельную статью исключительно под цифровой оборот.¹

В государствах романской группы — прежде всего во Франция, Испания и Италия — заметна ориентация на детализированное раскрытие способов

¹ Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть : учебник для вузов / ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 120. — URL : <https://urait.ru/bcode/589242>

обмана либо на параллельное существование составов, охватывающих вмешательство в автоматизированные системы обработки данных. Так, французское регулирование сочетает общий состав мошенничества, где перечисляются типовые формы обманного поведения, с самостоятельными запретами на несанкционированный доступ, нарушение функционирования информационных систем и манипулирование данными. Такая конструкция позволяет квалифицировать ситуации, в которых завладение денежными средствами достигается через техническое воздействие на систему интернет-банкинга или через неправомерное получение доступа к учетной записи, по совокупности статей, разграничивая собственно обман и вмешательство в информационную инфраструктуру. Отдельного внимания заслуживает возможность привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, что расширяет инструментарий противодействия организованным схемам и делает акцент на структурной, а не только индивидуальной, природе преступности в цифровой сфере. Подобная линия регулирования поддерживается научными оценками Голованова Н. А., отмечающими, что в условиях высокотехнологичной преступности участие организованных структур и использование корпоративных оболочек требует расширенных моделей ответственности и специальных механизмов доказывания.

Скандинавская группа демонстрирует тенденцию «встроенного» отражения цифровых способов в общей норме мошенничества. В Норвегия соответствующая статья прямо включает незаконное использование кредитных или дебетовых карт и иные формы влияния на автоматизированную обработку данных в состав мошенничества, не вынося их в самостоятельный запрет. В Финляндия при этом наблюдается более комплексная модель: наряду с общей статьей о мошенничестве формируется самостоятельный блок норм о преступлениях со средствами платежа, включающий не только основное деяние, но и квалифицированные составы, мелкие формы и, что особенно важно, специальные запреты на подготовительные действия, связанные с изготовлением и оборотом инструментов, предназначенных для незаконных

платежных операций. Такая конструкция показывает, что законодатель сознательно снижает порог уголовно-правового реагирования, позволяя вмешиваться в преступную деятельность на более ранних стадиях, когда ущерб еще не материализовался, но риск его наступления высок и подтверждается наличием специализированных средств совершения преступления.

Материалы о постсоветском пространстве подтверждают, что единая дефиниция мошенничества с использованием электронных средств платежа в уголовных кодексах большинства государств бывшего СССР, как правило, не формируется, а ответственность распределяется между общей нормой о мошенничестве, составами, связанными с незаконным оборотом платежных инструментов, и нормами о преступлениях в сфере компьютерной информации. Такая многоканальная модель регулирования зачастую приводит к конкуренции норм и к зависимости квалификации от того, каким именно образом был достигнут результат: через введение потерпевшего в заблуждение, через использование поддельной карты, через незаконный доступ к системе или через сочетание этих элементов. Особого внимания заслуживает опыт Казахстана, где мошенническое посягательство в информационной среде фиксируется через квалифицирующий признак, а судебная практика предлагает критерии разграничения мошенничества и кражи в зависимости от того, был ли вовлечен в заблуждение сотрудник банка либо имело место «механическое» снятие денег через банкомат. Подобные подходы демонстрируют близость проблематики к российским дискуссиям о разграничении состава мошенничества, кражи и неправомерного доступа в случаях использования платежной карты, интернет-банкинга или иных каналов дистанционного обслуживания.

Отдельного рассмотрения заслуживает опыт государств Дальнего Востока. В Китай уголовное законодательство связывает ответственность за мошенничество в платежной сфере преимущественно с кредитными картами и с использованием поддельных или просроченных карт, карт третьих лиц, а также с превышением лимита при злонамеренном характере поведения; при этом использование украденной карты квалифицируется как кража, что

фиксирует нормативное различие «обманного» и «тайного» механизма завладения. В Японии акцент переносится на электромагнитные записи и на операции с кодами и носителями, обеспечивающими функционирование платежных инструментов; уголовно наказуемыми признаются не только изготовление и использование, но и владение, передача, импорт соответствующих носителей, а также приготовительные действия. Такой подход демонстрирует технологически ориентированную модель криминализации, где ключевым считается не внешний «платежный» акт, а незаконное создание и оборот технической основы, позволяющей совершать транзакции от имени другого лица.

Сопоставление рассмотренных правопорядков позволяет обобщить: даже при сходстве экономических вызовов государства выбирают разные юридические техники, варьируя между универсальной нормой мошенничества, квалифицирующими признаками, автономными составами в платежной сфере и нормами о незаконном использовании средств доступа либо вмешательстве в автоматизированные системы. Однако в большинстве случаев предпочтение отдается таким конструкциям, которые позволяют охватывать цифровые формы посягательств без построения чрезмерно узкоспециализированной статьи, жестко привязанной к конкретному перечню электронных инструментов. В этой части позиция Козочкин И. Д. представляется принципиально значимой: устойчивость уголовного закона в условиях технологической изменчивости обеспечивается не увеличением числа специальных составов, а точностью описания социального механизма причинения вреда и корректным разграничением обмана, злоупотребления доверием и технического вмешательства.

Исходя из выявленных тенденций, оправданным выглядит вывод о том, что для установления уголовной ответственности за мошеннические посягательства, совершаемые с применением электронных средств платежа, как правило, достаточно инструментария общей нормы мошенничества при условии ее грамотного применения и при наличии квалифицирующих

признаков, отражающих повышенную опасность цифрового способа. Дополнительное значение имеет согласование этой нормы с составами, предусматривающими ответственность за незаконный доступ к информационным системам, подделку платежных инструментов и оборот средств, предназначенных для совершения преступления, поскольку именно конкуренция и несогласованность таких запретов нередко порождают основные трудности квалификации и снижают предсказуемость правоприменения.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА

2.1. Объект и предмет мошенничества с использованием электронных средств платежа

В теории уголовного права традиционно именно с характеристики объекта преступления начинается анализ состава преступления. Такой подход не является формальным: установление объекта позволяет определить направленность преступного посягательства, выявить характер причиненного или потенциального вреда, а также оценить степень общественной опасности совершенного деяния. Кроме того, корректное определение объекта преступления имеет существенное значение для разграничения преступных деяний и иных правонарушений, прежде всего гражданско-правовых деликтов, а также для правильной квалификации содеянного.

В научной литературе высказывается и противоположная точка зрения, согласно которой практическое значение объекта преступления нередко переоценивается, поскольку формальное расположение нормы в системе уголовного закона само по себе не препятствует ее применению. Однако представляется, что именно традиционный подход, придающий объекту преступления ключевое значение, в наибольшей степени отвечает задачам уголовно-правовой оценки, поскольку позволяет рассматривать деяние не изолированно, а в системе охраняемых уголовным законом общественных отношений.¹

Исторически в отечественной уголовно-правовой мысли вопрос об объекте преступления разрабатывался начиная с середины XIX века.

¹ Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / В. В. Сверчков. — 11-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 543. — URL : <https://urait.ru/bcode/557820>

Первоначально высказывалась позиция, согласно которой объектом преступления выступает сама уголовно-правовая норма. В дальнейшем данное понимание подверглось обоснованной критике, поскольку совершение преступления не приводит к разрушению или изменению правовой нормы как таковой. В результате в научной мысли утвердился подход, в соответствии с которым объектом преступления признаются охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым причиняется либо может быть причинен вред в результате преступного посягательства.

Дальнейшее развитие данного подхода привело к его закреплению в качестве общепринятого в науке уголовного права. Признание объектом преступления общественных отношений сыграло системообразующую роль при формировании Особенной части уголовного закона, нормы которой структурированы по разделам и главам именно с учетом родового и видового объекта посягательства.

Исходя из этого, уголовная ответственность за мошенничество с использованием электронных средств платежа, предусмотренная статьей 159³ УК РФ и включенная в главу 21 «Преступления против собственности» раздела VIII «Преступления в сфере экономики», позволяет сделать вывод о том, что родовым объектом исследуемого преступления являются общественные отношения в сфере экономики. Под такими отношениями следует понимать совокупность социальных связей, возникающих в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ.

Видовым объектом мошенничества, включая его разновидность с использованием электронных средств платежа, выступают общественные отношения, связанные с собственностью. Именно данные отношения образуют стержень преступлений против собственности и обеспечивают экономическую основу имущественного оборота.

В научной литературе право собственности рассматривается с различных позиций — как экономическая категория, как юридическая конструкция либо как двуединое явление, сочетающее в себе экономическое содержание и

правовую форму. Представляется, что последняя позиция является наиболее обоснованной, поскольку позволяет учитывать как фактическое присвоение и использование благ, так и их нормативное закрепление.

В экономическом смысле право собственности выражается в системе отношений присвоения средств производства и предметов потребления. В юридическом аспекте его содержание раскрывается через совокупность правомочий собственника. Согласно статье 209 ГК РФ право собственности включает владение, пользование и распоряжение имуществом. Нарушение указанных правомочий образует основу преступлений против собственности, в том числе мошенничества.

Совершая мошеннические действия, виновное лицо посягает на право собственности другого лица, при этом обязательным признаком является отсутствие у посягателя законных прав на соответствующее имущество. Именно данный критерий позволяет отличить мошенничество от иных форм гражданско-правовых споров и исключает возможность признания преступлением действий, совершаемых в пределах принадлежащих лицу правомочий.

Вместе с тем мошенничество с использованием электронных средств платежа имеет специфическую особенность, связанную с тем, что предметом посягательства в подавляющем большинстве случаев являются безналичные и электронные денежные средства. Указанные объекты обладают особой правовой природой, поскольку в гражданском праве они рассматриваются не как вещи, а как имущественные права, представляющие собой право требования к кредитной или иной уполномоченной организации.¹

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что безналичные денежные средства существуют в виде записи на банковском счете и по своей природе являются обязательственным правом требования.

¹ Боровиков, В. Б. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 174. — URL : <https://urait.ru/bcode/557820>

Следовательно, при посягательстве на такие средства нарушается не только вещное право собственности, но и обязательственные отношения, опосредующие участие третьего субъекта — оператора по переводу денежных средств.

В этой связи представляется обоснованной позиция, согласно которой видовой объект мошенничества с использованием электронных средств платежа включает в себя не только отношения собственности, но и обязательственные отношения, возникающие между владельцем денежных средств и соответствующей организацией. Такой подход позволяет адекватно отразить сложный характер имущественных связей, складывающихся в сфере безналичных расчетов.¹

С учетом изложенного представляется целесообразным рассматривать вопрос о корректировке наименования главы 21 УК РФ, заменив его на более широкое — «Имущественные преступления», что в большей степени соответствовало бы современному пониманию предмета преступных посягательств.

Непосредственным объектом мошенничества с использованием электронных средств платежа являются общественные отношения, связанные с реализацией правомочий собственника либо с осуществлением права требования в отношении имущества, которым виновный завладевает путем обмана или злоупотребления доверием. При этом форма собственности значения не имеет, поскольку уголовное законодательство обеспечивает равную защиту всех ее видов.

Наряду с основным объектом в составе мошенничества с использованием электронных средств платежа следует выделять и дополнительный объект. Им выступают общественные отношения в сфере организации и оказания услуг по переводу и обороту безналичных и электронных денежных средств. Нарушение

¹ Гладких, В. И. Уголовное право России в таблицах и комментариях. Общая часть : учебник для вузов / В. И. Гладких, М. Г. Решняк. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 76. — URL : <https://urait.ru/bcode/567534>

данных отношений является обязательным элементом рассматриваемого преступления, поскольку именно подмена клиента, незаконное использование платежного инструмента либо вмешательство в процедуру перевода средств отличают данный состав от общего мошенничества.

Таким образом, дополнительным объектом мошенничества с использованием электронных средств платежа являются общественные отношения, обеспечивающие устойчивое и безопасное функционирование платежных систем, включая оборот безналичных и электронных денежных средств, а также цифровых валют и цифровых финансовых активов.

Переходя к характеристике предмета преступления, следует отметить, что предметом мошенничества традиционно признаются имущество либо право на имущество. Данная двойственность на протяжении длительного времени является предметом научной дискуссии. Однако представляется обоснованным подход, согласно которому мошенничество относится к хищениям, обладая при этом расширенным предметом посягательства.

С учетом положений статьи 128 ГК РФ к имуществу относятся не только вещи, но и иное имущество, включая безналичные и электронные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права. Следовательно, предметом мошенничества с использованием электронных средств платежа могут выступать как материальные, так и нематериальные объекты.

Безналичные денежные средства обладают сложной, смешанной правовой природой. Они одновременно представляют собой особую форму существования денег и обязательственное право требования к кредитной организации. В этой связи целесообразно признавать их иным имуществом, а не исключительно имущественным правом, что в большей степени соответствует целям уголовно-правовой охраны.

Аналогичный вывод применим и к электронным денежным средствам, цифровым валютам и цифровым финансовым активам. Несмотря на специфику их правового режима, законодатель признает их имуществом, а следовательно,

они могут выступать предметом мошенничества при условии соблюдения установленных законом требований.¹

Таким образом, мошенничество с использованием электронных средств платежа посягает на общественные отношения в сфере экономики, прежде всего на имущественный оборот и связанные с ним механизмы распоряжения благами, что позволяет определить его родовой объект как отношения в экономике, а видовой — как отношения, обеспечивающие устойчивость собственности и имущественных притязаний. Специфика данного преступления заключается в том, что оно затрагивает не только классические отношения собственности как вещного права, но и обязательственные связи, возникающие между владельцем средств и кредитной (либо иной уполномоченной) организацией, поскольку безналичные и электронные денежные средства функционально существуют через учетную запись и реализуются посредством права требования к оператору перевода. В этой связи непосредственное посягательство выражается в нарушении правомочий собственника либо обладателя имущественного требования, тогда как дополнительный вред причиняется отношениям, обеспечивающим надлежащее функционирование платежной инфраструктуры и легитимность операций по переводу и обращению безналичных и электронных денежных средств, а в перспективе — и иных цифровых активов, используемых в имущественном обороте.

Предмет рассматриваемого мошенничества охватывает безналичные и электронные денежные средства, а также иные объекты имущественной ценности, включая цифровые финансовые активы и цифровую валюту, при этом его характеристика должна исходить не из материальной формы объекта, а из того, что он является чужим и обладает реальной либо потенциальной коммерческой ценностью. Сложная правовая природа безналичных денег как

¹ Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под общей редакцией В. В. Векленко. — 4-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 306. — URL : <https://urait.ru/bcode/585381>

феномена, сочетающего признаки имущественной ценности и обязательственного требования, подтверждает необходимость более ясного уголовно-правового закрепления предмета хищения, поскольку современный имущественный оборот включает нематериальные активы, обладающие экономическим содержанием и способные выступать объектом преступного присвоения независимо от их «вещной» формы.

2.2. Объективная сторона мошенничества с использованием электронных средств платежа

Объективная сторона преступления представляет собой совокупность признаков, характеризующих внешнее проявление общественно опасного посягательства и причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Как отмечал В. Н. Кудрявцев, объективная сторона является «реальным воплощением и выражением во вне целей и намерений субъекта», то есть показывает, каким образом преступное намерение реализуется в действии и как оно проявляется в окружающей действительности.

В уголовно-правовой теории признаки объективной стороны подразделяются на обязательные и факультативные. Для мошенничества с использованием электронных средств платежа к обязательным признакам относятся: деяние (хищение), способ совершения (обман и/или злоупотребление доверием), а также средство совершения преступления — электронное средство платежа. К факультативным признакам относятся место, время, обстановка и иные обстоятельства совершения преступления, которые приобретают значение при квалификации лишь в случаях, прямо предусмотренных законом или необходимых для разграничения смежных составов.

Поскольку мошенничество, включая мошенничество по ст. 159.3 УК РФ, относится к материальным составам, объективная сторона включает также

преступные последствия (имущественный ущерб) и причинную связь между действиями виновного и наступившими последствиями. Следовательно, при квалификации необходимо установить не только сам факт обманного воздействия и использование электронного средства платежа, но и реальность причиненного имущественного вреда.

Вопрос об объективной стороне приобретает ключевое значение и потому, что разграничение составов хищений нередко возможно только через анализ способа изъятия имущества. В частности, мошенничество с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) и кража денежных средств с банковского счета (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ) во многих ситуациях совпадают по предмету посягательства и последствию (потеря безналичных денежных средств), однако различаются способом совершения: при мошенничестве изъятие опосредовано введением в заблуждение (обманом/злоупотреблением доверием), тогда как при краже оно носит тайный характер и не предполагает согласия потерпевшего или иного лица, уполномоченного на передачу имущества.

Определенные проблемные аспекты квалификации ст. 159.3 УК РФ были скорректированы разъяснениями, изложенными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, а также законодательными изменениями 2018 года. Прежняя редакция нормы увязывала мошенничество преимущественно с использованием платежной карты и обманом уполномоченного работника организации. Действующая редакция напрямую не формулирует дефиницию преступления, что обуславливает необходимость опоры на общую конструкцию мошенничества (ст. 159 УК РФ) как базовую, при учете специального признака — использования электронного средства платежа.

Отдельного внимания заслуживает дискуссия о соотношении ст. 159.3 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ. В доктрине встречается позиция, согласно которой мошенничество с использованием электронных средств платежа может рассматриваться как частный случай мошенничества в сфере компьютерной

информации. Однако специфика ст. 159.6 УК РФ заключается в том, что хищение обусловлено вмешательством в функционирование информационных систем (изменение, блокирование, модификация, подмена алгоритмов, нарушение порядка работы систем обработки информации), в результате чего пользователь вводится в заблуждение. В ст. 159.3 УК РФ ключевой механизм иной: как правило, компьютерная система функционирует штатно, а преступник лишь подменяет субъекта платежа (использует чужое/поддельное электронное средство платежа), то есть происходит «подмена клиента» оператора перевода денежных средств без изменения нормального алгоритма работы информационной системы.

Способ совершения мошенничества раскрывается через категории обмана и злоупотребления доверием, разъясненные в Постановлении Пленума № 48. Обман может выражаться как в активной форме (сообщение ложных сведений, демонстрация подложных фактов, использование манипулятивных приемов), так и в пассивной форме (умолчание об истинных обстоятельствах). При этом пассивный обман вызывает сложности, поскольку не всякое умолчание образует мошенничество: уголовно-правовое значение имеет умышленное сокрытие фактов, которые при их сообщении объективно препятствовали бы передаче имущества или совершению действий по его отчуждению. В связи с этим в научной литературе обоснованно подчеркивается необходимость более точного определения границ пассивного обмана.

Злоупотребление доверием характеризуется использованием доверительных отношений с целью безвозмездного обращения чужого имущества в свою пользу или в пользу третьих лиц. Однако в практическом плане данный признак порождает проблему оценки самого факта доверия: степень доверительных отношений количественно не измеряется, что затрудняет доказывание. Поэтому в доктрине высказываются предложения сузить понимание злоупотребления доверием через привязку к нарушению формально определенных обязательств (договорных либо иных), когда доверие имеет юридическую основу.

Средством совершения преступления выступает электронное средство платежа, определение которого содержится в Федеральном законе № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». К таковым относятся не только банковские платежные карты, но и иные инструменты и способы, позволяющие формировать и передавать распоряжения о переводе денежных средств с применением информационно-коммуникационных технологий: системы интернет-банкинга и мобильного банкинга, электронные кошельки, сервисы электронных платежей, средства бесконтактной оплаты и иные технические решения, используемые в рамках безналичных расчетов. Одновременно следует разграничивать электронные средства платежа и инструменты программ лояльности (бонусные баллы и карты), которые, как правило, не обладают статусом платежного средства и не образуют предмета хищения в классическом понимании, что влияет на квалификацию деяния.

Мошенничество с использованием электронных средств платежа признается оконченным при наступлении ущерба. При хищении безналичных денежных средств судебная практика исходит из того, что преступление окончено с момента списания денежных средств со счета потерпевшего, поскольку именно тогда наступают последствия в виде реального имущественного вреда, и виновный реализует объективную сторону деяния. В ситуациях, когда перевод денежных средств был остановлен по внешним причинам и списание фактически не произошло, возможна квалификация как покушения при условии доказанности умысла и совершения действий, непосредственно направленных на хищение.

2.3. Субъективные признаки мошенничества с использованием электронных средств платежа

В системе уголовно-правовых научных представлений субъективная сторона преступления рассматривается как обязательный элемент состава, без установления которого исключается возможность привлечения лица к

уголовной ответственности. Именно через анализ внутреннего психического отношения субъекта к совершаемому деянию раскрываются основания уголовно-правового упрека, позволяющие отличить преступное поведение от внешне сходных, но правомерных либо гражданско-правовых форм реализации интересов. В этом контексте субъективная сторона выполняет не вспомогательную, а определяющую функцию, поскольку связывает объективно выраженное деяние конкретной личностью, способной осознавать социальную значимость своих поступков и направлять их в соответствии с избранной моделью поведения.¹

Раскрывая содержание субъективной стороны, А. В. Наумов обоснованно указывает на ее внутреннюю природу, подчеркивая, что она представляет собой психическую деятельность лица, непосредственно связанную с совершением преступления. Такой подход позволяет акцентировать внимание на том, что носителем вины, мотива и цели может выступать исключительно человек как субъект сознательной и волевой деятельности. Иные социальные образования лишены способности к самостоятельному психическому отношению к совершаемым действиям, что предопределяет персоналистский характер уголовной ответственности. В рамках данного подхода вина, мотив и цель образуют взаимосвязанную совокупность признаков, которые не существуют изолированно, а находятся в устойчивой причинно-смысловой зависимости друг от друга.²

Применительно к мошенничеству, в том числе к его специальным разновидностям, связанным с использованием электронных средств платежа, субъективная сторона по своему содержанию воспроизводит признаки основного состава данного преступления. Как отмечает Наумов А. В.,

¹ Уголовное право. Особенная часть. Семестр I : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 199. — URL : <https://urait.ru/bcode/584174>

² Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 222. — URL : <https://urait.ru/bcode/585136>

определяющим здесь остается наличие прямого умысла, сопряженного с корыстной направленностью поведения виновного. Осознание противоправности деяния, предвидение наступления имущественного ущерба и желание его причинения образуют тот психический комплекс, который позволяет квалифицировать содеянное именно как хищение, совершаемое путем обмана либо злоупотребления доверием.

Вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о значительных затруднениях при выявлении и доказывании субъективных признаков мошенничества. Результаты эмпирических исследований показывают, что подавляющее большинство следователей сталкиваются с проблемами установления умысла и корыстной цели, особенно в делах, связанных с безналичными расчетами и дистанционными финансовыми операциями. Использование электронных средств платежа нередко позволяет маскировать преступные действия под внешне законные сделки, что создает благоприятную почву для выдвижения версий о гражданско-правовом характере возникших отношений.

Введение специальных составов мошенничества преследовало цель минимизировать ошибки при расследовании имущественных посягательств и повысить эффективность уголовно-правовой защиты собственности. Однако статистические данные демонстрируют, что ожидаемый эффект в полной мере достигнут не был: значительная часть уголовных дел прекращается еще на досудебных стадиях, а до вынесения судебного решения доходит лишь ограниченное число производств. Как справедливо отмечает М.Г. Решняк, ключевой причиной подобной ситуации нередко становится именно невозможность убедительно доказать наличие субъективной стороны преступления, а не отсутствие события либо состава преступления как таковых.¹

¹ Гладких, В. И. Уголовное право России в таблицах и комментариях. Общая часть : учебник для вузов / В. И. Гладких, М. Г. Решняк. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 78. — URL : <https://urait.ru/bcode/585136>

Особую сложность представляет разграничение мошенничества и смежных составов преступлений, а также отделение уголовно наказуемого поведения от гражданско-правовых деликтов. В этом аспекте значительный интерес представляет позиция П. С. Яни, который указывает, что для всех специальных видов мошенничества, за исключением отдельных форм, характерно наличие всех признаков хищения, включая момент окончания и прямой умысел с корыстной направленностью. Следовательно, установление мотива, цели и вины должно осуществляться на основе анализа фактических обстоятельств дела, а не выводиться формально из самого факта причинения имущественного ущерба.

Практика расследования показывает, что в делах о мошенничестве с использованием электронных средств платежа нередко акцент смещается в сторону изучения технического способа совершения преступления, тогда как субъективная сторона остается недостаточно исследованной. Между тем без достоверного установления вины лицо не может быть подвергнуто уголовному наказанию, что прямо вытекает из принципа субъективного вменения, закрепленного в уголовном законе. Уголовная ответственность возможна лишь при доказанности психического отношения лица к совершаемому деянию и его последствиям.

Вина выступает центральным элементом субъективной стороны и отражает психологическое отношение лица к собственному поведению, выражающееся в форме умысла либо неосторожности. Мотив и цель, хотя и не всегда являются обязательными признаками состава, приобретают уголовно-правовое значение в тех случаях, когда прямо предусмотрены законодателем. При мошенничестве корыстная цель относится именно к таким обязательным элементам, без установления которых квалификация деяния по соответствующей статье уголовного закона становится невозможной.

Для мошенничества как интеллектуального вида преступной деятельности характерна активная попытка отрицания корыстной направленности своих действий. Обвиняемые нередко ссылаются на

добросовестность намерений, временный характер изъятия имущества либо на наступление обстоятельств, не зависящих от их воли. Создание внешней видимости правомерного поведения, частичное возмещение ущерба, инсценировка хозяйственных отношений становятся распространенными способами ухода от уголовной ответственности. Как подчеркивает Кибальник А. Г., именно такие ситуации формируют одну из ключевых проблем доказывания субъективной стороны мошенничества.¹

Необходимым условием квалификации мошенничества, включая его формы, связанные с электронными средствами платежа, является наличие прямого умысла. Само понятие обмана либо злоупотребления доверием логически предполагает преднамеренность поведения, поскольку введение в заблуждение невозможно без осознания ложного характера сообщаемой информации или используемых приемов. При этом специфика мошенничества по статье 159.3 УК РФ проявляется в том, что введение в заблуждение может быть направлено не непосредственно на потерпевшего, а на иных лиц, обеспечивающих доступ к денежным средствам.

Принципиальное значение имеет момент формирования преступного умысла. Как справедливо указывает Крылова Н. Е., корыстная цель и намерение совершить обман должны возникнуть до начала реализации соответствующих действий. Если умысел формируется уже после заключения сделки или в процессе исполнения обязательств, уголовно-правовая оценка содеянного подлежит пересмотру, а отношения сторон, как правило, переходят в сферу гражданского права.

Отсутствие прямого умысла исключает уголовную ответственность и влечет разрешение конфликта в ином правовом порядке. В этой связи недопустимо отождествление факта обмана с наличием корыстной цели. Лицо может вводить в заблуждение, преследуя иные мотивы, не связанные с

¹ Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 378. — URL : <https://urait.ru/bcode/585136>

извлечением имущественной выгоды, включая субъективно понимаемую защиту своих интересов либо воздействие на поведение потерпевшего по нематериальным причинам. Подобные ситуации требуют особенно тщательного анализа субъективной стороны деяния.

Разъяснения, содержащиеся в постановлениях высшей судебной инстанции, определяют корыстную цель как стремление обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться им как собственным. Вместе с тем расширительное толкование данного признака, допускающее признание корыстной направленности при передаче имущества в пользу неопределенного круга лиц, вызывает обоснованные возражения. Как отмечает Сверчков, В. В., подобный подход размывает содержание корыстной цели и снижает ее разграничительное значение в структуре субъективной стороны преступления.¹

Мотив преступления также играет существенную роль при установлении субъективной стороны мошенничества, поскольку именно он предшествует формированию умысла и определяет направленность волевого поведения. Анализ мотива позволяет выявить внутреннюю логику действий субъекта и установить, почему был избран именно преступный способ достижения поставленной цели. Кроме того, вид умысла имеет практическое значение при решении вопросов о стадии совершения преступления, в том числе при разграничении покушения и приготовления.

Использование электронных средств платежа создает дополнительные сложности при квалификации деяния, поскольку однотипные действия могут образовывать различные составы преступлений в зависимости от субъективной направленности поведения. В случаях, когда преступление не доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного, именно анализ умысла позволяет определить, имело ли место покушение на мошенничество либо на иную форму хищения. При этом тяжесть преступления и возможность

¹ Сверчков, В. В. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / В. В. Сверчков. — 12-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. С. 178. — URL : <https://urait.ru/bcode/585136>

привлечения к ответственности зависят от размера ущерба и иных квалифицирующих признаков.

Действующее уголовное законодательство исходит из того, что субъектом мошенничества с использованием электронных средств платежа является физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако анализ судебной статистики свидетельствует о заметном снижении среднего возраста лиц, совершающих данные преступления. Как указывает С.И. Улезько, высокая цифровая компетентность молодежи и широкая доступность банковских технологий объективно способствуют вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность в сфере безналичных расчетов.¹

Учитывая возможность открытия банковских счетов и использования платежных карт уже с четырнадцатилетнего возраста, представляется обоснованным вывод о способности лиц данного возраста осознавать функциональное назначение электронных средств платежа и противоправность их незаконного использования. В условиях, когда уголовная ответственность за кражу безналичных денежных средств допускается с четырнадцати лет, сохранение более высокого возрастного порога для мошенничества с использованием тех же средств выглядит внутренне противоречивым.

Практические примеры судебной деятельности демонстрируют нелогичность существующего регулирования, при котором однотипные по социальному содержанию действия влекут различные правовые последствия в зависимости от формы их реализации. Это обстоятельство подрывает принцип равенства перед законом и требует корректировки уголовно-правовых норм с учетом современных реалий цифрового оборота.

Обсуждение возможности привлечения к уголовной ответственности юридических лиц за мошенничество также остается дискуссионным. Несмотря на аргументы о значительном ущербе, причиняемом организациями,

¹ Уголовное право. Общая часть. Семестр II : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 125. — URL : <https://urait.ru/bcode/584522>

отечественная уголовно-правовая наука последовательно исходит из невозможности наделения юридического лица признаками субъективной стороны преступления.

Юридическое лицо представляет собой искусственную конструкцию, функционирование которой обеспечивается действиями конкретных физических лиц. Именно они подлежат уголовно-правовой оценке с учетом распределения ролей и степени участия в преступной деятельности. Введение уголовной ответственности организаций без пересмотра фундаментальных положений уголовного права способно породить серьезные теоретические и практические противоречия.

В целом анализ субъективной стороны мошенничества с использованием электронных средств платежа позволяет сделать вывод о необходимости ее самостоятельного и всестороннего установления в каждом конкретном случае. Прямой умысел и корыстная цель должны подтверждаться совокупностью доказательств, отражающих внутреннюю направленность поведения виновного. С учетом уровня цифровизации финансовых отношений и вовлеченности несовершеннолетних в использование электронных средств платежа представляется обоснованным пересмотр возрастных критериев уголовной ответственности при безусловном сохранении принципа субъективного вменения как базового начала уголовного закона.

2.4. Проблемы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа

Современный этап развития общества характеризуется интенсивным внедрением высоких технологий во все сферы социально-экономической жизни, что неизбежно трансформирует и традиционные формы товарно-денежных отношений. Безналичные расчеты, использование банковских карт, мобильных приложений и иных электронных средств платежа фактически

стали доминирующим способом осуществления гражданского оборота. Указанные процессы, с одной стороны, упрощают финансовые операции и повышают их доступность, а с другой — формируют новую криминогенную среду, в рамках которой имущественные посягательства все чаще смещаются в цифровой сегмент экономики. Развитие информационно-вычислительной инфраструктуры объективно сопровождается усложнением преступных схем, адаптацией способов хищения к новым технологическим условиям и постоянным поиском уязвимостей в механизмах правового и технического контроля.

Преступления, связанные с незаконным использованием электронных средств платежа, отличаются повышенной общественной опасностью, поскольку посягают не только на имущественные интересы граждан, но и на устойчивость финансового оборота в целом. В ответ на данные вызовы государство последовательно модернизирует уголовно-правовое регулирование, криминализируя новые формы противоправного поведения и уточняя составы преступлений против собственности. Вместе с тем такая политика реализуется в условиях частичной либерализации уголовной ответственности за отдельные экономические преступления, что, как справедливо отмечает Е. В. Серегина, требует особенно взвешенного подхода к конструированию и применению специальных уголовно-правовых норм.¹

Анализ санкции статьи 159.3 УК РФ позволяет сделать вывод о ее квалифицированном характере по отношению к общему составу мошенничества. В связи с этим особое значение приобретает корректная правовая оценка совершаемых деяний, поскольку ошибка в квалификации непосредственно влияет на индивидуализацию наказания и реализацию принципа справедливости. Судебная практика подтверждает данный вывод, демонстрируя случаи существенного пересмотра первоначальных правовых

¹ Уголовное право. Особенная часть. Семестр I : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 167.— URL : <https://urait.ru/bcode/584522>

оценок на стадии апелляционного или кассационного рассмотрения, что свидетельствует о высокой степени сложности рассматриваемой категории дел.

Показательным является пример, рассмотренный Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Республики Башкортостан, где было признано необоснованным отнесение совокупности разнородных по способу и моменту формирования умысла действий к продолжаемому хищению. Суд исходил из того, что изъятие портмоне с банковскими картами и последующее использование этих карт для расчетов в торговой сети представляют собой различные по своему уголовно-правовому содержанию деяния. При таком подходе ключевое значение приобретают особенности субъективной стороны и способ реализации умысла, что обусловило переквалификацию действий и назначение более мягкого наказания.

Разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, безусловно, играют значимую роль в формировании единообразия правоприменения. Вместе с тем даже после принятия Постановления Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 и последующих изменений 2021 г. вопросы квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа продолжают вызывать оживленные дискуссии. Это связано с тем, что законодатель, расширяя перечень электронных средств платежа и одновременно вводя самостоятельный состав кражи с банковского счета, фактически создал ситуацию конкуренции норм, границы между которыми на практике оказываются размытыми.

Одной из наиболее острых проблем остается разграничение мошенничества, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ, и кражи с банковского счета, а равно мошенничества в сфере компьютерной информации. Исключение из диспозиции статьи 159.3 УК РФ указания на обман уполномоченного работника кредитной или торговой организации, с одной стороны, расширило потенциальный охват нормы, а с другой — породило неопределенность в вопросе о том, какие именно действия следует относить к мошенничеству, а какие — к тайному хищению.

Практика рассмотрения дел о хищении денежных средств с использованием банкоматов и систем бесконтактной оплаты наглядно демонстрирует отсутствие устойчивого подхода. В одних случаях суды квалифицируют такие действия как кражу, исходя из отсутствия активного обмана, в других — усматривают признаки мошенничества, ссылаясь на умолчание о незаконности использования электронного средства платежа. Особенно показательны ситуации, при которых оплата производится без участия уполномоченного сотрудника, например через кассы самообслуживания или автоматизированные терминалы, что еще более усложняет оценку направленности обмана.

Дополнительные сложности возникают при многоэпизодных посягательствах, когда одно и то же электронное средство платежа используется различными способами: для безналичной оплаты товаров, перевода денежных средств через интернет-банкинг и последующего обналичивания через банкомат. Несмотря на единство умысла, такие действия с формально-юридической точки зрения образуют разные составы преступлений, что приводит к применению правил о совокупности. Судебная практика в целом склоняется к данному подходу, однако встречаются и решения, в которых аналогичные деяния охватываются одним составом, что нарушает принципы равенства и правовой определенности.

Отдельного внимания заслуживает проблема квалификации действий, связанных с изготовлением или использованием поддельных электронных средств платежа. В этих случаях актуализируется вопрос соотношения статьи 159.3 УК РФ и статьи 187 УК РФ. Если подделка средства платежа и его последующее использование для хищения доведены до конца, представляется обоснованным применение совокупности преступлений, поскольку общественная опасность таких деяний существенно возрастает. Аналогичный подход должен применяться и при оценке действий, направленных на получение конфиденциальной информации по платежным средствам, если

такие действия предшествуют основному посягательству и образуют стадию приготовления.¹

Проведенный анализ законодательства и обширной судебной практики позволяет констатировать, что, несмотря на предпринятые законодателем усилия и разъяснения высшей судебной инстанции, квалификация мошенничества с использованием электронных средств платежа остается проблемной. Непоследовательность правовых позиций, конкуренция норм и быстрое развитие финансовых технологий препятствуют формированию устойчивого и предсказуемого правоприменения. В этих условиях назрела объективная необходимость в обновленном и более детализированном разъяснении подходов к применению статей 158, 159.3 и 159.6 УК РФ с учетом современных способов совершения имущественных посягательств, что позволит повысить качество квалификации и обеспечить реализацию принципов справедливости и законности в уголовном праве.

¹ Боровиков, В. Б. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 178. — URL : <https://urait.ru/bcode/584522>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило осуществить целостный анализ уголовно-правового регулирования мошенничества, совершаемого с использованием электронных средств платежа, уточнить содержание соответствующей нормы, проследить логику ее формирования и оценить практическую результативность как инструмента противодействия имущественным посягательствам, реализуемым посредством обмана и злоупотребления доверием. Обобщение нормативного материала, сравнительный обзор зарубежных правовых порядков, анализ научных позиций и систематизация следственной и судебной практики применения норм об ответственности за хищения с банковского счета и в отношении электронных денежных средств позволили сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и прикладное значение.

Во-первых, введение в уголовный закон специальной нормы о мошенничестве с использованием электронных средств платежа формально ориентировалось на повышение эффективности защиты имущественных отношений в условиях цифровизации расчетов и роста соответствующих посягательств. Вместе с тем сопоставление целей криминализации и фактического состояния правоприменения позволяет поставить под сомнение самостоятельную необходимость выделения такого состава в качестве отдельной конструкции. Как отмечает Козочкин И. Д., эффективность уголовно-правового запрета во многом определяется не количеством специальных составов, а качеством правоприменительных алгоритмов и профилактических механизмов. В этой связи более убедительным представляется вывод о том, что повышение результативности противодействия соответствующим хищениям в большей степени связано с совершенствованием методик предупреждения и расследования, чем с дальнейшей фрагментацией уголовного закона. При указанной логике допустима постановка вопроса о целесообразности отказа от

самостоятельного состава и переносе соответствующих квалифицирующих признаков в структуру общей нормы о мошенничестве.

Во-вторых, сравнительно-правовой анализ свидетельствует о неоднородности подходов к уголовно-правовой оценке хищений, осуществляемых посредством электронных платежных инструментов, что обусловлено различиями правовых традиций и моделей построения норм о преступлениях против собственности. В ряде государств такие деяния охватываются общими нормами о мошенничестве, в иных правопорядках — рассматриваются как квалифицированные разновидности мошенничества, либо выделяются в виде самостоятельных составов, либо же подпадают под нормы о неправомерном использовании средства платежа. Системное сопоставление данных моделей позволяет заключить, что для уголовно-правового реагирования на соответствующие посягательства, как правило, достаточно инструментария общей нормы о мошенничестве при условии корректного конструирования квалифицирующих признаков, что делает наиболее оправданной модель квалифицированного состава, а не отдельного специального запрета.

Определение объекта исследуемого преступления демонстрирует, что в своей основе оно ориентировано на защиту имущественной сферы как части экономических отношений. Видовой уровень охраны в данном случае не исчерпывается лишь классическим пониманием собственности как вещного права, поскольку современные формы оборота денежных средств предполагают значительный пласт обязательственных отношений, прежде всего право требования клиента к кредитной или иной организации. В связи с этим обоснованно ставится вопрос о корректировке терминологического обозначения главы 21 УК РФ в направлении более точного отражения ее содержания, а непосредственный объект следует раскрывать через правомочия собственника в отношении изымаемого имущества либо приобретаемого посягателем права на него, при одновременном признании наличия дополнительного объекта,

связанного с организацией и функционированием системы безналичных и электронных расчетов, включая современные формы цифровых активов.

Предмет рассматриваемого мошенничества охватывает безналичные и электронные денежные средства, а также иные имущественные ценности и права на имущество, которые могут быть объектом незаконного изъятия или обращения. Юридическая природа безналичных денежных средств имеет смешанный характер, поскольку они одновременно выступают экономическим эквивалентом наличных денег и выражают обязательственное требование владельца к кредитной организации. Как отмечает Кибальник А. Г., в уголовно-правовом смысле при определении предмета хищения решающее значение имеет способность соответствующей ценности выступать объектом имущественного оборота и обладать экономической полезностью, что позволяет рассматривать безналичные средства именно как разновидность имущества, а не как самостоятельное имущественное право в узком гражданско-правовом смысле. В этой связи предлагается уточнение понятийного аппарата уголовного закона посредством закрепления расширенного определения предмета хищения в примечании к статье 158 УК РФ, включающего безналичные и электронные средства, цифровые финансовые активы и цифровые валюты как разновидности имущества.

Объективная сторона мошенничества с использованием электронных средств платежа сохраняет признаки общего мошенничества, но приобретает специфику в части средств и технологической среды совершения посягательства. Обязательными элементами выступают деяние, способ, средства, последствия в форме имущественного ущерба и причинная связь, а факультативные признаки — время, место, обстановка и иные условия — приобретают значение при квалификации и доказывании. Центральным способом совершения остается обман либо злоупотребление доверием, при этом обман может выражаться как в активном сообщении ложных сведений, так и в умышленном сокрытии информации. Проблемность правоприменения в данной части связана с отсутствием ясных критериев, определяющих случаи,

когда у лица возникает обязанность сообщить достоверные сведения, а также с неопределенностью границ умолчания как формы обмана. При таком положении обоснованным выглядит предложение о корректировке разъяснений высшей судебной инстанции путем более точного описания форм обмана и их обязательных признаков, включая сознательность и направленность на введение в заблуждение.

Средства совершения преступления охватывают платежные карты, системы дистанционного банковского обслуживания, электронные кошельки, сервисы мобильных платежей и иные аппаратно-программные решения, обеспечивающие формирование и передачу распоряжений о переводе денежных средств. Важным является разграничение электронных средств платежа с иными цифровыми объектами, используемыми в обороте, поскольку не всякая цифровая ценность, включая бонусные суррогаты или отдельные виды цифровых активов, по своей природе соответствует признакам средства платежа. Отсюда следует необходимость аккуратного методологического подхода при квалификации деяний, где объектом посягательства выступают современные цифровые формы имущественных благ.

Момент окончания мошенничества в исследуемой сфере, будучи связанным с фактическим изъятием денежных средств вследствие обмана, в реальных ситуациях нередко осложняется многократностью операций и распределением действий во времени. При наличии единого умысла и повторяемости изъятий возникает вопрос о продолжаемом хищении, окончание которого следует связывать с последней операцией, выполненной в рамках реализуемой преступной цели. При этом в предмет доказывания неизбежно включается установление того, на какую сумму в целом был направлен умысел виновного, поскольку именно данная направленность влияет на квалификацию и оценку тяжести содеянного.

Материальный ущерб при таких посягательствах, как правило, выражается в утрате безналичных или электронных денежных средств. Вместе с тем вызывает сомнение ограничение значительного ущерба исключительно

категорией «гражданина», а также недостаточная детализация критериев значительности, в том числе в части учета жизненной важности, похищенного для потерпевшего. Как указывает Бриллиантов А. В., оценочные признаки в уголовном праве требуют максимальной прозрачности и проверяемости, иначе они становятся источником разнонаправленной практики и снижения предсказуемости судебных решений. В связи с этим предлагается, во-первых, расширить набор учитываемых обстоятельств при определении значительности ущерба, во-вторых, устранить необоснованную привязку данного признака только к физическим лицам и определить критерии значительного ущерба для юридических лиц, увязав их с показателями, отражающими реальное ухудшение финансового состояния организации.

Субъективная сторона рассматриваемого мошенничества характеризуется умышленной виной и корыстной целью, при этом корыстная направленность должна устанавливаться автономно по отношению к обману как объективному способу совершения посягательства. Вопрос о субъекте преступления и возрастных критериях приобретает особую актуальность ввиду тенденции к «омоложению» соответствующих деяний и раннего вовлечения несовершеннолетних в использование цифровых банковских сервисов. Аргументация необходимости снижения возраста уголовной ответственности до четырнадцати лет основывается на способности подростка осознавать противоправность хищения безналичных средств и на сопоставлении с действующими возрастными порогами ответственности за иные формы хищения.

Вопросы квалификации, связанные с использованием касс самообслуживания, банкоматов и иных автоматизированных систем, а также со смешанными сценариями, когда одно средство платежа применяется различными способами в рамках единого умысла, демонстрируют необходимость более четкого разграничения составов и последовательного применения правил о совокупности. При этом при изготовлении или обороте поддельных средств платежа обоснованно применение совокупности статей 187

и 159.3 УК РФ в случаях, когда оба преступления доведены до конца, поскольку общественная опасность такой деятельности объективно выше.

С учетом выявленных проблем и противоречий в правоприменении логично ставится вопрос о совершенствовании законодательной конструкции: либо о возврате к модели квалифицированного состава в рамках общей нормы о мошенничестве, либо о системной переработке специальных норм таким образом, чтобы исключить конкуренцию и неопределенность. Предложение о дополнении статьи 159 УК РФ квалифицирующим признаком, связанным с посягательством на средства, находящиеся на банковском счете, и на электронные формы денег, выглядит внутренне согласованным с общей логикой развития уголовного закона и может способствовать унификации квалификации при сохранении адекватного уровня репрессии.

Подводя итоги, проведенное исследование позволило раскрыть уголовно-правовую характеристику мошенничества, совершаемого с использованием электронных средств платежа, и выявить системные затруднения, связанные с объектом и предметом посягательств в условиях утраты материальной «вещности» имущественных благ, конкуренцией близких составов и неодинаковой судебной оценкой схожих фактических ситуаций. В качестве перспектив дальнейшей научной разработки обоснованно выделяются направления, связанные с уголовно-правовым осмыслением цифровых валют и иных цифровых активов, уточнением критериев разграничения мошенничества в сфере электронных платежей и посягательств на компьютерную информацию, а также выработкой подходов к целесообразности сохранения специальных составов хищений, отражающих реалии цифровой экономики.

Одновременно следует подчеркнуть необходимость актуализированного разъяснения высшей судебной инстанции по вопросам применения статей 158, 159.3 и 159.6 УК РФ с учетом изменений законодательных редакций и трансформации финансовых технологий, поскольку без единых ориентиров правоприменение неизбежно будет воспроизводить разнонаправленные подходы, затрудняющие достижение целей уголовного закона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 08.01.2026).

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 дек. 2001 г. // Собр. зак. – 2002 г. – № 1 (часть I), ст. 1.– URL: <http://pravo.gov.ru>. – Текст: электронный(дата обращения: 10.01.2026)

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 5 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25 – ст. 2954 – URL: <http://pravo.gov.ru>. – Текст: электронный(дата обращения: 10.01.2026)

4. О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 января 2011 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 февраля 2011 г. // Рос. газ. – 2011. – 8 – февраля.– URL: <http://pravo.gov.ru>. – Текст: электронный(дата обращения: 11.01.2026)

II. Учебная, научная литература и иные материалы

1. Уголовное право. Общая часть. Семестр II : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. —

6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 284 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20638-8. — URL :<https://urait.ru/bcode/584175> (дата обращения: 10.01.2026)

2. Уголовное право. Общая часть. Семестр I : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 307 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16554-8. — URL :<https://urait.ru/bcode/584174> (дата обращения: 15.01.2026)

3. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 448 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18585-0. — URL :<https://urait.ru/bcode/585136> (дата обращения: 08.02.2026)

4. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / ответственные редакторы А. В. Наумов, А. Г. Кибальник. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 564 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18550-8. — URL :<https://urait.ru/bcode/585633> (дата обращения: 10.01.2026)

5. Уголовное право. Особенная часть. Семестр I : учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 556 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16720-7. — URL :<https://urait.ru/bcode/584522> (дата обращения: 10.01.2026)

6. Уголовное право зарубежных стран. Общая часть : учебник для вузов / ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 576 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-18747-2. — URL :<https://urait.ru/bcode/589242> (дата обращения: 15.02.2026)

7. Сверчков, В. В. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / В. В. Сверчков. — 12-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 421 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20221-2. — URL :<https://urait.ru/bcode/557819> (дата обращения: 10.02.2026)

8. Уголовное право зарубежных стран. Особенная часть : учебник для вузов / ответственный редактор Н. Е. Крылова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 397 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16218-9. — URL :<https://urait.ru/bcode/561346> (дата обращения: 21.01.2026)

9. Боровиков, В. Б. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под редакцией В. Б. Боровикова. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 243 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-19802-7. — URL : <https://urait.ru/bcode/590555>

10. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / под общей редакцией В. В. Векленко. — 4-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 497 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20421-6. — URL :<https://urait.ru/bcode/585381> (дата обращения: 10.01.2026)

11. Сверчков, В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник для вузов / В. В. Сверчков. — 11-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 741 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-20222-9. — URL :<https://urait.ru/bcode/557820> (дата обращения: 21.01.2026)

12. Гладких, В. И. Уголовное право России в таблицах и комментариях. Общая часть : учебник для вузов / В. И. Гладких, М. Г. Решняк. — 2-е изд. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 212 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17476-2. — URL :<https://urait.ru/bcode/567534>(дата обращения: 06.01.2026)

Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником.
Материал не содержит сведений, составляющих государственную тайну

 А.Р. Валеев